

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ И ВЗГЛЯДОВ Ю. Ф. САМАРИНА МЫСЛИТЕЛЯМИ ЗАПАДНО-ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Л. Е. Шапошников¹

*¹Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье анализируется оценка взглядов одного из лидеров славянофильства Ю. Ф. Самарина представителями либерального лагеря. Акцент сделан на рассмотрении позиции видных идеологов этого движения К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского. Такой подход дает возможность выявить своеобразие позиций как славянофилов, так и западников, а также индивидуальную специфику взглядов мыслителей.

Материалы и методы. В качестве материала исследования используются философские труды выдающихся отечественных мыслителей XIX века: Ю. Ф. Самарина, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского и др., принадлежащих к противоборствующим идеологическим лагерям. Кроме того, рассматриваются более поздние материалы, связанные с анализом работ указанных мыслителей. При проведении исследования, результаты которого отражены в статье, применяется историко-логический метод, дающий возможность показать достаточно широкий идейный и социальный контекст взглядов рассматриваемых персоналий, а также компаративистская методика, позволяющая сопоставить позиции мыслителей и выявить сходные установки и своеобразие каждого.

Результаты исследования. Отмечается аргументированная критика Самариним концепции Кавелина, пытавшегося доказать, что у России до Петра I не было настоящей истории (поскольку не было развитой личности). Представитель славянофильства убедительно показал и несостоятельность взглядов Чичерина, отвергавшего «субъективные начала» в гуманитарном знании. В качестве аргументов приводятся в том числе мнения видных представителей российской науки, поддерживающих позицию Самарина о наличии ценностной ориентации в гуманитарных исследованиях, а значит, и их неизбежной субъективности. При этом личностная оценка не означает «извращения научных фактов». Особое место в статье посвящено анализу публикаций А. Д. Градовского, напрямую посвященных Самарину. Ученый хотя и придерживался либеральной ориентации, но сумел дать объективную оценку взглядам русского мыслителя, показать его значимость как в интеллектуальной, так и в социальной сферах.

Обсуждение и заключения. Представленная работа позволяет сделать вывод о том, что Ю. Ф. Самарин был одним из самых образованных людей своего времени. Его публикации находились в центре внимания как славянофилов, так и западников. Мыслителю удалось показать особое значение национальных традиций, самобытной русской культуры в развитии России. Полемика Самарина с К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным, оценка его взглядов А. Д. Градовским и сегодня не утратили своего значения, особенно если говорить о сохранении и развитии отечественных ценностей и исторической памяти. Следует

подчеркнуть, что даже идейные противники Ю. Ф. Самарина высоко ценили его личные качества, и прежде всего честность, патриотизм, безупречную порядочность.

Ключевые слова: либералы, славянофилы, западники, реформы, община, идеал, факты, личность, общество

Для цитирования: Шапошников Л. Е. Оценка личности и взглядов Ю. Ф. Самарина мыслителями западно-либеральной ориентации // Вестник Мининского университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 15. DOI: 10.26795/2307-1281-2026-14-2-15.

Y.F. SAMARIN THROUGH THE LENS OF WESTERN-LIBERAL IDEOLOGUES

L. E. Shaposhnikov¹

*¹Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The paper analyzes the way representatives of the liberal camp evaluated the views of Y. F. Samarin, a leading figure in the Slavophile movement. Emphasis is placed on examining the positions of prominent Western-liberal ideologues: K. D. Kavelin, B. N. Chicherin, and A. D. Gradovsky. This approach reveals the distinctiveness of the perspectives held by both Slavophiles and Westernizers, as well as individual nuances of each thinker's views.

Materials and methods. The study scrutinizes the philosophical works of outstanding nineteenth-century Russian thinkers: Y. F. Samarin, K. D. Kavelin, B. N. Chicherin, A. D. Gradovsky, and others, who belonged to opposing ideological camps. It also considers subsequent scholarly literature devoted to the analysis of these thinkers' works. The research employs a historical-logical method to place the scholars' views within a broad social context, alongside a comparative methodology that juxtaposes their positions to identify shared attitudes and individual distinctiveness.

Results. The paper emphasizes Samarin's well-substantiated critique of Kavelin's claim that Russia lacked a genuine history prior to Peter I. Samarin also demonstrated the untenability of Chicherin's rejection of "subjective principles" in humanitarian knowledge. As a supportive argument, the paper cites prominent Russian scholars who endorse Samarin's position regarding the presence of value orientations in humanitarian research, and consequently, their inevitable subjectivity. However, such personal assessment does not imply a "distortion of scientific facts." The study also examines A. D. Gradovsky's publications dedicated to Samarin. Despite his liberal orientation, Gradovsky provided an objective assessment of the Russian thinker's views, demonstrating his significance in both intellectual and social spheres.

Discussion and conclusions. The study concludes that Y. F. Samarin was one of the most educated figures of his time. His publications were the focus of attention for both Slavophiles and Westernizers. He successfully demonstrated the importance of national traditions and Russia's unique culture to the country's development. Samarin's polemic with K. D. Kavelin and B. N. Chicherin, along with A. D. Gradovsky's assessment of his views, remains relevant today, particularly concerning the preservation and development of national values and historical memory. Importantly, even Samarin's ideological opponents highly valued his personal qualities: his honesty, patriotism, and integrity.

Keywords: liberals, Slavophiles, Westernizers, reforms, community, ideal, facts, personality, society

For citation: Shaposhnikov L. E. Y. F. Samarin through the lens of western-liberal ideologues // Vestnik of Minin University. 2026. Vol. 14, no. 2. P. 15. DOI: 10.26795/2307-1281-2026-14-2-15.

Введение

В современных условиях, когда остро стоит вопрос сохранения национальной идентичности, определения дальнейшего пути развития России, особый интерес вызывает идеологическая дискуссия между славянофилами и западниками, к которой было приковано внимание общества в XIX веке. В статье анализируется оценка взглядов одного из лидеров славянофильства Ю. Ф. Самарина представителями либерального лагеря. Акцент сделан на рассмотрении позиции видных идеологов этого движения К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского. Такой подход дает возможность выявить своеобразие позиций как славянофилов, так и западников, а также индивидуальную специфику взглядов мыслителей.

Кроме того, представляется важным еще раз обратиться к трудам и идеям выдающегося русского мыслителя в год 150-летия со дня его кончины.

Материалы и методы

В качестве материала исследования используются философские труды выдающихся отечественных мыслителей XIX века: Ю. Ф. Самарина, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского и др., принадлежащих к противоборствующим идеологическим лагерям. Кроме того, рассматриваются более поздние материалы, связанные с анализом работ указанных мыслителей.

Объектом исследования выступают идеи Ю. Ф. Самарина, изложенные им в работах «Два слова о народности в науке», «По поводу мнения Русского Вестника о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации», «О мнениях «Современника» исторических и литературных» и др., а также идеи оппонентов мыслителя (К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского), отраженные в их трудах.

Предметом исследования стала оценка личности и взглядов Ю. Ф. Самарина мыслителями западно-либеральной ориентации.

При проведении исследования, результаты которого отражены в статье, применяется историко-логический метод, дающий возможность показать достаточно широкий социальный контекст взглядов рассматриваемых персоналий, а также компаративистская методика, позволяющая сопоставить позиции мыслителей и выявить сходные установки и своеобразие каждого.

Результаты исследования

Ю. Ф. Самарин был одним из образованнейших людей своего времени, хотя в детстве, по воспоминаниям его брата Д. Ф. Самарина, он «не отличался ни прилежанием, ни благонравием; воспитание его было дело трудное» [8, с. XII]. Однако в ходе обучения на словесном отделении в университете его отношение к учебе кардинально изменилось, и

в 19 лет он был «первым кандидатом» в своем выпуске. Защита его магистерской диссертации, которая состоялась в 1844 году, вызвала большой резонанс в обществе. Для примера обратимся к мнению П. Я. Чаадаева, в позиции которого, по замечанию А. Д. Градовского, проявляется «крайность западничества», что становится очевидным в оценке взглядов Самарина на православие и католицизм. С точки зрения Чаадаева, в диссертации последнего содержится «напыщенное похвальное слово в честь православия... с изображением блестящего будущего, которое его ожидает» [16, с. 292]. В то же время диссертант несправедлив к католицизму, исходя из совершенно ложного «различия между церквями католической и православной»: он не понял суть католической проповеди, которая «не определяется догматами церкви, а самою жизнью Запада». Католицизм, по мысли Чаадаева, также лучше прочих христианских исповеданий постигает «своим здравым практическим смыслом человеческую природу» [16, с. 294] и т.п.

Однако, даже несмотря на отсутствие сходства позиций, басманный философ был восхищен защитой магистерской диссертации, так как Самарин с «редким мужеством высказал перед всеми свой взгляд на христианство..., поражающий особенно своею новостью». Более того, он уверен, что «со времени существования на земле университетов, молодой человек, едва оставивший скамью университетскую, не разрешал так удачно таких великих вопросов» [16, с. 293].

Вообще, несмотря на то что Чаадаев критически оценивал многих своих современников, он высоко ценил не только ум Самарина, но и его духовные качества, ибо у него «сердце ни в чем не уступает уму», и даже уверял: «...разница в наших взглядах была не так глубока, как мы думали» [16, с. 309]. Однако с этим тезисом мы никак не можем согласиться. Ориентация на западные ценности, стремление внедрить их в российский образ жизни и, напротив, защита самобытных начал, своеобразия отечественных традиций не могут быть созвучны. И сам Самарин писал: «Россия должна развиваться самобытно, и хотя бы результаты, к которым она придет, расходились с результатами развития народов Западных, однако мы этим нисколько не должны смущаться» [10, с. 286].

Еще большую известность среди образованных слоев русского общества принесли Самарину «Письма из Риги», в которых он восстает против «систематического угнетения русских немцами».

В научной литературе уже не раз анализировалась эволюция воззрений Ю. Ф. Самарина и делался вывод об обретении им в конечном итоге славянофильского мировоззрения. Высокий интеллектуальный уровень мыслителя и его прекрасные человеческие качества, как мы уже указывали, рано начали отмечать его современники, в том числе и те, кто придерживался западнической ориентации. Даже признанный лидер западников Т. Н. Грановский констатировал, что «Самарин очень умный и даровитый человек». Но это признание не относилось к славянофильской позиции мыслителя, ибо оставляло «в стороне его мнения» [3, с. 364]. Хотя Грановский на словах утверждал, что в нем живет «глубокая ненависть ко всякой нетерпимости», неспособности уважать мнения других, по отношению к славянофилам он проявлял гиперкритичный настрой, утверждая следующее: «... от них пахнет мертвечиной. Ни одной светлой мысли, ни одного благородного взгляда» [13, с. 456]. И такая оценка дается интеллектуальной элите России, выступающей за эволюционное развитие общества, стремящейся к решению назревшего крестьянского вопроса.

Вообще по вопросу о роли народных масс в истории позиции западников и славянофилов принципиально отличались. Близкий по духу к Грановскому, другой

профессор – К. Д. Кавелин – в своей магистерской диссертации «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, в период времени от уложения до учреждения о губерниях» [5] доказывал, что в Древней Руси «начало личности не существовало» и «она была совершенно не развита, не имела никакого содержания». Христианство провозгласило впервые «достоинство человека и человеческой личности», но реализация этого принципа досталась германским племенам, которые составляли «передовые дружины нового мира». Поскольку личностное начало на Руси, по мнению Кавелина, «было совершенно не развито», то для своего развития оно «должно было начать мыслить и действовать под чужим влиянием». Реформы Петра I и обеспечили это «влияние», и потому с этого времени «личность на русской почве вступила в свои безусловные права».

Д. Ф. Самарин в 1847 году опубликовал в журнале «Москвитянин» обширную рецензию «О мнениях «Современника» исторических и литературных». Она состояла из трех частей, две из них посвящены были разбору работ В. Г. Белинского и А. В. Никитенко, а третья – анализу магистерской диссертации К. Д. Кавелина. Автор рецензии отмечал, что предложенная автором исследования схема является умозрительной и не отражает подлинного хода отечественной истории. Теория родового быта, которой придерживается ученый, приводит к абсурдным выводам, например, о том, что «до XVIII века в России не было сознания». Он игнорирует общинные начала народной жизни и утверждает, что она основывалась «не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия». Более того, как считает Самарин, в последнее время и в Западном мире все нагляднее проявляется тенденция, требующая «примирения начал личности с началом объективной и для всех обязательной нормы». Подобная установка не совместима «с чувством неограниченного полновластия личности», которое пропагандировал Кавелин. Юрий Федорович также убедительно опровергает тезис мыслителя о том, что только реформы Петра I положили начало «умственной и нравственной жизни» в России [12, с. 28-108].

Возражения Кавелина, которые он назвал «Ответ Москвитянину» [6, с. 380-413], содержат больше эмоциональных оценок: например, автор «не слышит вопиющего против него голоса действительности, не видит вещей самых простых» или «упорно отрицает факты», и даже допускает «злоупотребление фактами» и т.д.

Ю. Ф. Самарин и К. Д. Кавелин также в течение трех лет (с 1872 по 1875 гг.) полемизировали по поводу работы последнего «Задачи психологии». Юрий Федорович указывал на двойственность позиции профессора, стремящегося подняться над спором материалистов и идеалистов. Однако, по его мнению, ученый стоит «с материалистами на одной почве». Хотя, как кажется на первый взгляд, он «берет под защиту ненавистную им душу», но в действительности в его труде ее «беспощадно обобрали и общипали», так как «прочно закрепили ее за материей» и «оконали ее свободу» [11, с. 398].

Идеолог славянофильства не согласен и с отношением Кавелина к религии, утверждая, что он сводит ее к интимным переживаниям. Однако низведение религиозных убеждений «на степень субъективных воззрений, чаяний, предположений равносильно не простому игнорированию, а самому радикальному отрицанию Откровения» [11, с. 416]. Не согласен Самарин и с элементами позитивистских воззрений ученого, в результате которых происходит «перенесение приемов естествознания на философию». Есть и другие критические замечания Юрия Федоровича к работе профессора. Он замечает, что книга Кавелина «поражает глубоким противоречием» между объявленной программой и теми выводами, к которым автор пришел. Этой путанице Самарин противопоставляет свои «личные убеждения», основанные на православной традиции. При этом он постоянно подчеркивает, что религиозность не

«запрещает свободное движение науки», более того, заявляет, что «всякое посягательство на свободу мысли безнравственно» [11, с. 445].

Однако, как ни странно, был вопрос, по которому Кавелин выступает союзником Самарина, – это проблема сельской общины. Казалось бы, либеральные установки, пропаганда «примата личного начала» должны были бы сделать его противником общинного землевладения, но этого не произошло.

По мнению ученого, последнее имеет в современном его состоянии «коренные неудобства», которые необходимо устранить. К этим неудобствам относятся частые переделы земельных наделов и чересполосица, что снижает стимулы к тщательной обработке земли. Самарин и Кошелев, как считает Кавелин, обладают «великой заслугой», так как «они ознакомили публику с сущностью и формами общинного землевладения». В силу этого данные мыслители «уяснили фактическую его сторону и выставили на вид странные и даже забавные недоразумения относительно... пользования общественною землею» [4, с. 257]. После знакомства с их публикацией становится ясно, что, с одной стороны, назрела необходимость изменения «теперешнего способа пользования общинными землями», а с другой – «общинное землевладение удержать необходимо». В противном случае, как считает Кавелин, солидаризируясь со славянофилами, земля, принадлежащая крестьянам, если она будет в их частной собственности, очень быстро «сосредоточится в немногих руках». В конечном итоге «масса народа» должна будет подчиняться «этому нового рода владычеству, беспощадному, произвольному, которого единственный закон – личная выгода». В результате возникнет борьба – «борьба масс народных с обществом, страшная и разрушительная» [4, с. 269].

Для того чтобы не допустить этих революционных потрясений, необходимо, по мысли Кавелина, опираться в ходе реформаторской деятельности на «верное прозрение» Самарина и Кошелева. Его суть состоит в признании той «великой роли», которую «суждено играть общинному землевладению в устройстве и судьбах нашего землевладельческого сословия» [4, с. 257].

Интересно отметить, что, несмотря на принадлежность Самарина и Кавелина к «разным партиям», они были в дружеских отношениях. Профессор А. Д. Градовский утверждал: «... смотреть на эти чистые отношения двух чистых людей было для меня истинным наслаждением» [2, с. 39].

С другим своим оппонентом, Борисом Николаевичем Чичериным, такого дружеского взаимодействия у Самарина не было, хотя и здесь он в ходе полемики старался сохранить уважительный тон.

Профессор Б. Н. Чичерин был любимым учеником Т. Н. Грановского, отсюда его приверженность гегельянству и либерально-западническим установкам. При этом он пытался и гегельянство усовершенствовать, и создать не просто либеральное учение, а учение «охранительного либерализма» [20]. «Славянофильская партия» представлялась ему «какой-то странной сектой, сборищем лиц, которые в часы досуга, от нечего делать занимались измышлением разных софизмов» [17, с. 190]. В то же время, как он считал, «центром всего умственного движения» в России сделался «кружок так называемых западников», состоявший из «людей, веровавших в науку и свободу» [17, с. 193]. Эта предвзятость по отношению к славянофильству формируется у Чичерина уже в годы учебы в университете. Восхищаясь лекциями Кавелина по истории русского права, он особо подчеркивал глубокую научность его выводов, свободных «от всех бредней славянофилов» [17, с. 198].

Борис Николаевич хорошо был знаком с семьей Самариных, а с младшими братьями Юрия Федоровича состоял в дружеских отношениях. Оценка Самарина со стороны профессора Чичерина была противоречивой. Так, с одной стороны, отмечалась «сила его

логики», с другой – отсутствие у него «простого здравого смысла». В силу этого, утверждает Чичерин, в нем проявлялась «вся узость и нетерпимость славянофильства, преувеличенная оценка своего и непонимание чужого» [19, с. 572]. Ученый подчеркивал несамостоятельность и даже эпигонство Самарина, ибо он якобы находился под влиянием Хомякова и только «развивал и доказывал» его мысли. Но в то же время Чичерин характеризует славянофила как обладателя «даровитого и благородного ума» [19, с. 572].

Открытая полемика между Самариним и Чичериним началась после публикации Юрием Федоровичем в журнале «Русская беседа» за 1856 год статьи «Два слова о народности в науке». В этом же году в журнале «Русский вестник» появился ответ Чичерина – статья «О народности в науке». Представитель славянофильства доказывал, что изучать гуманитарные науки, абстрагируясь от особенностей народной жизни, нельзя.

Например, говоря о мировоззрении русской народности, нельзя обойтись «без православной веры, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейную и общественную жизнь русского человека» [9, с. 111]. Естественно, и понимание социально значимых явлений в истории, в социальной сфере, в культуре и т.д. будет во многом определяться православной ценностной ориентацией. Поэтому Ю. Ф. Самарин справедливо утверждал, что «все науки, занимающиеся человеком, а не природою», очень часто утверждают «резкие противоположности, которых корень – в различии точек зрения на один и тот же предмет» [9, с. 112]. В этой связи понятно, что «объективизм» в гуманитарных науках невозможен, и взгляды ученого будут определяться не только фактами, но и принадлежностью его «всегда к какой-то партии».

Б. Н. Чичерин с этими тезисами не согласен. Он считает, что народность в науке «представится нам синонимом исключительности, односторонности, а потому и лжи». Преодоление пристрастия, субъективности «для науки необходимо... ибо истина одна для всех» [18, с. 262]. К тому же каким «собственно народным воззрением» мы можем похвалиться, если Россия – «отсталая единица новейшей образованности» [18, с. 271]. Однако если культивировать в народе установки о его «отсталости» от европейского просвещения, то он никогда не станет интеллектуальным лидером. В то же время выводы о специфике гуманитарного знания, сделанные Самариним, не раз подтверждали известные отечественные мыслители, не связанные со славянофильством. Так, например, П. А. Флоренский, характеризуя особенности знания о человеке, отмечает, что «тут наука имеет дело не с тезисом, более или менее безразличным для духовной культуры, а с духовною ценностью, в сохранении или в ниспровержении которой каждый непременно заинтересован – так или иначе» [14, с. 545]. В силу этого «явною нелепостью» было бы «притязание на объективное обсуждение подлинности» такого или другого феномена культуры.

Об этом же пишет и другой известный представитель отечественного гуманитарного знания Г. В. Флоровский. С его точки зрения, исторические и другие источники из сферы духовной жизни отнюдь не «независимые сущности». Они «не следы, но свидетельства», извлечь информацию из которых «возможно только в процессе истолкования» [15, с. 46]. Но истолкование «всегда включает в себя оценку», и тот, кто ее пытается избежать «с претензией на нейтральность», в действительности «искажает и искривляет само повествование». Более того, «пристрастность есть знак свободы», ибо она не может быть абстрактной, а «всегда избирательна и конкретна» и при том опирается «на интерес и озабоченность» [15, с. 64].

Подводя итог дискуссии о специфике гуманитарного знания, приведем мнение профессора Санкт-Петербургской духовной академии, специалиста по русской гражданской истории М. О. Кояловича. Он доказывает, что при изучении и оценке прошлого нельзя

обойтись без субъективных оценок. Исходя из этого он справедливо утверждал, что самым «узким и вредным для успехов науки русской истории» является «субъективизм чужой народности». В то же время, по его мнению, «славянофильский субъективизм» выступает как «самый лучший для научного изучения прошедших судеб России» [7, с. 626].

Еще одно обвинение Б. Н. Чичерина в адрес Самарина заключается в следующем: пропагандируя необходимость выработки для «народа собственных воззрений», он не учитывает, что для этого важно усвоить «существующий материал», выработанный западной наукой. Поэтому славянофильская пропаганда «может иметь дурные последствия для нашего просвещения», ибо формирует неправильное отношение к «сокровищнице мировой науки». Однако эти обвинения, на наш взгляд, беспочвенны, ибо он специально подчеркивал свое отрицательное отношение к процессу, в результате которого происходит «неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого потому только, что оно чужое». Сам Самарин замечает, что он «никогда не утверждал» необходимость подобного отрицания, более того, он считает, что в том случае, когда существуют «недостатки своего», подобная деятельность порождает «внутреннюю пустоту» и никогда «не поведет к расширению области знания» [9, с. 119].

Своеобразную позицию в оценке взглядов и личности Самарина занимал профессор Санкт-Петербургского университета А. Д. Градовский, который, с одной стороны, разделял либеральные убеждения и был умеренным западником, а с другой – считал, что появление славянофильства было необходимо: оно «видоизменило общий дух времени», так как «не только защищало самобытность славянства, но и осуждало содержание и форму западноевропейской цивилизации». В этой связи он солидаризируется со славянофилами, выдвигаящими на первый план «национальный принцип и в теории, и в жизни», заявляя, что выступает «адвокатом народности». Подобная установка предопределила позитивное отношение Градовского к славянофильству, анализ взглядов которого содержится в ряде его публикаций, в том числе и в статье «Значение идеала в общественной жизни (Посвящается памяти Юрия Федоровича Самарина)» [1]. Эта последняя работа содержит ряд важных методологических идей. Градовский выявляет принципиальное различие между точными, естественными науками и гуманитарными исследованиями. Он фактически встает на сторону Ю. Ф. Самарина в споре с Б. Н. Чичериным: с его точки зрения, «все исследования явлений физических» опираются на «неизбежность причинно-следственных связей», обнаружение которых и является целью исследователя, чья позиция не допускает субъективных оценок. Другое дело – изучение наук гуманитарных, которое требует не только обозначить причинно-следственные связи, но и сформулировать «суждения над лицами, учреждениями и событиями». Эти исследования вольно или невольно решают «роковой вопрос» – «что должно быть». Ответ на него во многом зависит от того «нравственного миропонимания», от того идеала, который ученый «хочет перенести в действительность». Следовательно, оценка фактов, идей, явлений в гуманитарной сфере требует от исследователя «отчета в его личных убеждениях». Если же речь идет о преподавателе, то при анализе социально-политических явлений он неизбежно «будет искать начал воспитательных». В рассматриваемой статье также подчеркивается, что общественный прогресс невозможен без активного участия человека, без его сознания и воли. Для Градовского очевидно, что именно «в нашем “я” должно искать истинных мотивов общественных движений». Поэтому человек несет ответственность за состояние социума, за тот «общественный порядок», в котором он живет. Причем даже тогда, когда индивид «не признает ответственности или отвергает ее», она все равно существует «помимо нашей воли, как неизбежный закон природы». Отсюда понятно то значение, которое

имеют для общества «подвижники общественных интересов», своей деятельностью преодолевающие общую «апатию, равнодушие, пассивность» и показывающие пример в деле «совершенствования всех умственных и нравственных сил, к которому призван человек». К подобным труженикам на ниве социального и культурного развития, по мнению Градовского, безусловно, относится Ю. Ф. Самарин. Он и его соратники по славянофильскому лагерю не «сваливали все беды России» на особенности переходного времени, а предлагали свое видение разрешения «теперешних проблем» [2, с. 35-45].

В своей небольшой статье «Юрий Федорович Самарин», написанной через несколько дней после смерти мыслителя, Градовский пытается ответить на вопрос: «Что такое был Самарин для массы общества?». А ответы будут самые разнообразные: для одних он «блестящий оратор», для вторых – «оригинал с разными “отсталыми” идеями», для третьих – «умный и образованный человек», четвертые увидят в его публицистике «оппозиционный дух». Однако, по мнению Градовского, «история объяснит его иначе и отведет ему иное место». Все дело в том, что Юрий Федорович демонстрирует своей деятельностью «редкий, даже странный тип русского гражданина». Он имел все возможности сделать блестящую карьеру (а в то время «все видели в службе едва ли не цель жизни»), однако мыслитель воспитывался «среди людей, окрещенных именем “славянофилов”», отличительной особенностью которых было выдвижение «вперед значения народности, как нормального основания исторического развития каждого народа». Отсюда понятна его борьба против привилегий немецкой корпорации в Прибалтике, нарушающих права русского населения, основанная на «осуждении высшего управления» этой территорией. Именно Самарин «при полном господстве крепостного права в России» одним из первых «заговорил об интересах низших классов». Поэтому не случайно он был «призван к участию в редакционных комиссиях», готовивших отмену крепостного права.

Необходимо также вспомнить о его деятельности по усовершенствованию народных школ и «занятиях по земским и городским делам». Градовский считает, что Самарин не был реформатором, но «он был человеком реформ», защищая те преобразования, которые были предприняты Александром II. Много внимания он уделял положению церкви в государстве и обществе, констатируя «упадок веры», особенно среди «верхних классов». Самарин «ясно указывал, в чем состоят условия обновления церковной жизни и церковной проповеди». Наконец, еще одна особенность личности мыслителя, отмеченная Градовским: Самарин проявлял необычную «терпимость чужих мнений и умение различать и ценить хорошее в других». Это качество объясняет «странные обстоятельства» его жизни, ибо, будучи последовательным сторонником славянофильского учения, он «лично мог сближаться искренно и сердечно с людьми иного образа мыслей».

Заканчивает свой очерк Градовский, призывая к написанию подробной биографии мыслителя, которая покажет Самарина «во всей прелести своего благородного характера, возвышенных стремлений, своей истинно гражданской доблести».

Итак, наш анализ показывает, что взгляды Ю. Ф. Самарина находились в центре внимания его идейных противников. Такие «столпы» либерализма, как К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, посвятили полемике с ним специальные работы. Но обаяние личности Самарина и безупречная репутация даже у его идейных противников вызывали уважение. Если же говорить о А. Д. Градовском, то нужно констатировать, что он посвятил мыслителю глубоко уважительные слова и продуманные страницы статьи, где объективно оценивается роль Самарина в истории отечественной мысли.

Обсуждение и заключения

Представленная работа позволяет сделать вывод о том, что Ю. Ф. Самарин был одним из самых образованных людей своего времени. Его публикации находились в центре внимания как славянофилов, так и западников. Мыслителю удалось показать особое значение национальных традиций, самобытной русской культуры в развитии России. Полемика Самарина с К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным, оценка его взглядов А. Д. Градовским и сегодня не утратили своего значения, особенно если говорить о сохранении и развитии отечественных ценностей и исторической памяти. Следует подчеркнуть, что даже идейные противники Ю. Ф. Самарина высоко ценили его личные качества, и прежде всего честность, патриотизм, безупречную порядочность.

Список использованных источников

1. Градовский А. Д. Значение идеала в общественной жизни // Градовский А. Д. Трудные годы (1876-1880). С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. С. 1-34.
2. Градовский А. Д. Юрий Федорович Самарин // Градовский А. Д. Трудные годы (1876-1880). С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. С. 35-45.
3. Грановский Т. Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. М.: РОССПЭН, 2010. 672 с.
4. Кавелин К. Д. Взгляд на русскую сельскую общину // Кавелин К. Д. Сочинения в 4-х частях. Ч. 4. М.: В типографии В. Грачева и комп., 1859. С. 249-286.
5. Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, от Уложения до Учреждения о губерниях // Кавелин К. Д. Сочинения в 4-х частях. Ч. 1. М.: В типографии В. Грачева и комп., 1859. С. 39-304.
6. Кавелин К. Д. Ответ «Москвитянину» // Кавелин К. Д. Сочинения в 4-х частях. Ч. 1. М.: В типографии В. Грачева и комп., 1859. С. 380-413.
7. Коялович М. О. История русского самосознания. Минск: Лучи Софии, 1997. 688 с.
8. Самарин Д. Ф. Биография Ю. Ф. Самарина // Самарин Ю. Ф. Сочинения в 10 т. Т. 9. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1898. С. I-XXX.
9. Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науках // Самарин Ю. Ф. Сочинения в 10 т. Т. 1. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1877. С. 109-121.
10. Самарин Ю. Ф. По поводу мнения «Русского Вестника» о занятиях философии, о народных началах и об отношении их к цивилизации // Самарин Ю. Ф. Сочинения в 10 т. Т. 1. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1877. С. 266-292.
11. Самарин Ю. Ф. Разбор сочинения К. Д. Кавелина «Задачи психологии» // Самарин Ю. Ф. Сочинения в 10 т. Т. 6. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1887. С. 371-478.
12. Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных // Самарин Ю. Ф. Сочинения в 10 т. Т. 1. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1877. С. 28-108.
13. Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. 496 с.
14. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1. Ч. II. М.: Правда, 1990. 839 с.
15. Флоровский Г. В. Положение христианского историка // Флоровский Г. В. Догмат и история. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 39-79.
16. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 621 с.
17. Чичерин Б. Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы (1826-1856). М.: Правда, 1990. С. 166-306.

18. Чичерин Б. Н. О народности в науке // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 261-271.
19. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 542-615.
20. Шапошников Л. Е. Философско-педагогические взгляды Б. Н. Чичерина // Вестник СПбУ. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 696-711.

References

1. Gradovskij A. D. The Significance of the Ideal in Public Life. *Gradovskij A. D. Trudnye gody (1876-1880)*. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1880. Pp. 1-34. (In Russ.)
2. Gradovskij A. D. Yuri Fedorovich Samarin. *Gradovskij A. D. Trudnye gody (1876-1880)*. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1880. Pp. 35-45. (In Russ.)
3. Granovskij T. N. Public Readings. Articles. Letters. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 672 p. (In Russ.)
4. Kavelin K. D. A View of the Russian Rural Community. *Kavelin K. D. Sochineniya v 4-h chastyah. CH. 4*. Moscow, V tipografii V. Gracheva i komp. Publ., 1859. Pp. 249-286. (In Russ.)
5. Kavelin K. D. Fundamental Principles of the Russian Judicial System and Civil Procedure, from the Code to the Statute on the Provinces. *Kavelin K. D. Sochineniya v 4-h chastyah. CH. 1*. Moscow, V tipografii V. Gracheva i komp. Publ., 1859. Pp. 39-304. (In Russ.)
6. Kavelin K. D. Reply to the "Moskvityanin". *Kavelin K. D. Sochineniya v 4-h chastyah. CH. 1*. Moscow, V tipografii V. Gracheva i komp. Publ., 1859. Pp. 380-413. (In Russ.)
7. Koyalovich M. O. History of Russian Self-Consciousness. Minsk, Luchi Sofii Publ., 1997. 688 p. (In Russ.)
8. Samarin D. F. Biography of Yu. F. Samarin. *Samarin YU. F. Sochineniya v 10 t. T. 9*. Moscow, Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1898. Pp. I-XXX. (In Russ.)
9. Samarin YU. F. Two Words about Nationality in Science. *Samarin YU. F. Sochineniya v 10 t. T. 1*. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Ko Publ., 1877. Pp. 109-121. (In Russ.)
10. Samarin YU. F. Regarding the opinion of the "Russian Messenger" on the study of philosophy, on popular principles and their relationship to civilization. *Samarin YU. F. Sochineniya v 10 t. T. 1*. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Ko Publ., 1877. Pp. 266-292. (In Russ.)
11. Samarin YU. F. Analysis of the work of K. D. Kavelin "Problems of Psychology". *Samarin YU. F. Sochineniya v 10 t. T. 6*. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Ko Publ., 1887. Pp. 371-478. (In Russ.)
12. Samarin YU. F. On the Opinions of "Sovremennik" Historical and Literary. *Samarin YU. F. Sochineniya v 10 t. T. 1*. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Ko Publ., 1877. Pp. 28-108. (In Russ.)
13. T. N. Granovsky and His Correspondence. Volume 2. Moscow, Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1897. 496 p. (In Russ.)
14. Florenskij P. A. The Pillar and Statement of Truth. Volume 1. Part II. Moscow, Pravda Publ., 1990. 839 p. (In Russ.)
15. Florovskij G. V. The Position of the Christian Historian. *Florovskij G. V. Dogmat i istoriya*. Moscow, Izdatel'stvo Svyato-Vladimirskogo Bratstva Publ., 1998. Pp. 39-79. (In Russ.)
16. CHaadaev P. YA. Articles and Letters. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 621 p. (In Russ.)
17. CHicherin B. N. Memories. *Russkie memuary. Izbrannye stranicy (1826-1856)*. Moscow, Pravda Publ., 1990. Pp. 166-306. (In Russ.)

History of philosophy

18. CHicherin B. N. On Nationality in Science. *CHicherin B. N. Filosofiya prava*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. Pp. 261-271. (In Russ.)
19. CHicherin B. N. Russia on the Eve of the Twentieth Century. *CHicherin B. N. Filosofiya prava*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. Pp. 542-615. (In Russ.)
20. SHaposhnikov L. E. Philosophical and pedagogical views of B. N. Chicherin. *Vestnik SPbU. Filosofiya i konfliktologiya*, 2023, vol. 39, no. 4, pp. 696-711. (In Russ.)

© Шапошников Л. Е., 2026

Информация об авторах

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, президент Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0001-6725-6973, shaposhnikov_le@mininuniver.ru

Information about the authors

Shaposhnikov Lev E. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Worker of Science. The president, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-6725-6973, shaposhnikov_le@mininuniver.ru

Поступила в редакцию: 05.04.2026

Принята к публикации: 19.06.2026

Опубликована: 30.06.2026